

Гарридо В.В.

Российский университет дружбы народов (РУДН)
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
valeriya.garrido@gmail.com

Представления о китайском драконе как Небесном предзнаменовании

Аннотация. Данная статья рассматривает мифологические представления о драконе; дракон – это не составной тотем, как считают некоторые китайские исследователи, и не реально существующее животное, а, прежде всего, мыслительная категория, живое отражение реальности, воплощение природы, естественности *цзы жань* (自然) в сознании древнего человека. С Ханьской династии император начал позиционировать себя как воплощение дракона, стал называться «истинным драконом и сыном Неба», что подчёркивало его божественное происхождение и давало право на управление Поднебесной. Постепенно устанавливался и единый религиозный культ – поклонение дракону *Лун-вану* (царю драконов), что также было выгодно правящему дому. В целом, данная статья показывает, что закрепление образа дракона в качестве имперского символа было связано, прежде всего, с народными верованиями в Небесные знамения, необходимостью создания общекитайского пантеона богов и предков, систематизацией и зачастую использованием в целях легитимации власти местных культов и традиций.

Ключевые слова: мифология, тотем, китайские верования, культ дракона, небесное знамение, имперский символ

Valeriia V. Garrido

The Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklay str., Moscow, 117198, Russia
valeriya.garrido@gmail.com

Chinese Dragon as a Heavenly Omen

Abstract. This article examines the mythological symbol of dragon and shows that the dragon is not a composite totem, as some Chinese researchers believe, and not a real animal, but, first of all, a mental category, a living reflection of reality, the embodiment of nature (自然). From the Han Dynasty, the emperor began to position himself as the incarnation of the dragon and was called “The True Dragon and the Son of Heaven”, which emphasized his divine origin and gave the right to control the empire. Gradually, a single religious cult has been established: it was the worship of the dragon *Long-wang* (the King of Dragons), which was also beneficial to the ruling house. In general, this article shows that the creation of the imperial symbol of dragon was associated with folk beliefs in Heavenly signs, the need to create a pantheon of Chinese gods and ancestors, systematization and often usage of local cults and traditions to legitimize the power of the emperor.

Key words: mythology, totem, Chinese beliefs, dragon cult, heavenly omen, imperial symbol

Введение

Образ дракона в Древнем Китае – один из наиболее значимых мифологических и магических символов, важный элемент народных верований и религиозных культов. Китайские специалисты и деятели культуры утверждают, что образ дракона существует с незапамятных времён вплоть до настоящего времени, и выделяют несколько стадий эволюции образа дракона: символ этнической группы (тотем дракона) – символ императора – государственный символ (символ страны) – символ китайского человека (национальный символ) [Ши Айдун, 2014, 219].

При этом практически все специалисты уделяют большое внимание происхождению символа дракона. Говоря о драконе как символе этнической группы, ки-

тайские исследователи чаще всего рассматривают его с крайне материалистических позиций [Более подробно см.: Ступникова, 2015, 197–205], полагая, что прообразом дракона может быть реально существующее или тотемное животное – змея, крокодил, ящерица, рыба, кабан, а также олицетворение конкретного природного явления – например, торнадо, урагана, грозы, радуги. Посредством выявления истоков образа дракона в эпоху неолита ими создаётся миф о древности китайской цивилизации, непрерывности её развития, исходном единстве китайского народа. Дальнейшее развитие образа дракона китайские исследователи представляют довольно просто – как естественный, эволюционно последовательный и закономерный процесс, не вдаваясь в подробности, каким образом и по каким причинам именно дракон из архаических представлений родового общества становится символом императора. Цель данной статьи заключается в описании основных значений мифологического символа дракона, связанных с ним народных верований Древнего Китая, а также в выявлении причин закрепления данного символа в качестве имперского.

Источники и методы исследования

В ходе написания статьи были использованы такие древнекитайские тексты, по которым представляется возможным реконструировать мифологический образ дракона, в частности, канон «И цзин» («Канон Перемен», древнейшие части VIII в. до н.э.), текст «Шань хай цзин» («Канон гор и морей», кон. III – нач. II в. до н.э.), исторический свод «Ши цзи» («Исторические записки», II–I вв. до н.э.), трактаты «Хуайнань-цзы» (II век до н.э.) и «Лунь хэн» Ван Чуна (I век до н.э.). Для выявления мифологических представлений о драконе были использованы общеполитологический (метафизический) и герменевтический методы; для описания символа дракона как Небесного знамения, а также анализа его трансформации в имперский символ были задействованы сравнительно-исторический (компаративный) и структурно-функциональный методы.

Мифологические представления о китайском драконе

Представления о драконах в Древнем Китае крайне многообразны: например, в одной только первой гексаграмме «И цзин» показан дракон, нырнувший в пучину, дракон, находящийся на поле, и летающий дракон. В «Шань хай цзин» широко представлены драконоподобные существа, такие как драконы *цзяо*, тигровые драконы *хуцзяо*, рыбо-драконы *луньюй*, змее-драконы *фэйи*, змеи *хуа*, драконоголовый Юй и пр. В «Хуайнань-цзы» дракон представлен то водным, то небесным, то земным. Варьируются его формы – от рыб и рептилий до божеств и духов. Варьируются его функции: он персонифицирует водную стихию, дождь, гром и молнии, световой день и ночь, годовые циклы.

При этом считаю важным отметить, что дракон ни в одном из трактатов не предстаёт как фантастическое или выдуманное существо, просто олицетворяющее ту или иную стихию. Мифологический дракон не выдумка древнего человека и вряд ли вообще связан с фантазийной деятельностью. Как справедливо отмечает А.Е. Лукьянов, «...фантазия – это весьма сложная психическая и мыслительная процедура. Для фантазирования нужна не коллективная, а индивидуальная личность, независимая от родовых авторитетов. Нужны свобода мышления от замкнутости на круговые циклы природы... Всем этим первобытный человек не владел, но не из-за своей примитивности, а потому, что у него ещё не было жизненного спроса на фантазию» [Лукьянов, 2012, 25].

В ранних анимистических мифах дракон предстаёт скорее как чувственно-конкретный образ-символ, как репрезентация идей, понятных древнему человеку. Он является важной органической частью родового мира; он есть самый настоящий миф – живое воплощение природы в сознании человека или, словами А.Ф. Лосева, «жизненно ощущаемая, реально, вещественно и чувственно творимая действительность» [Лосев, 1994, 35–36]. В мифологических символах родовой человек мыслит и самого себя, и весь природно-родовой организм, ведь весь мир постоянно меняется, и человеку в составе рода необходимо приспособиться к этим переменам, понять их и принять.

В символе дракона, в частности, ощущается пульсация жизни природно-родового космоса: по китайским поверьям дракон то сжимается, то распрямляется, то появляется, то исчезает, постоянно меняется и движется [Ван Чун, <https://>

ctext.org/dictionary.pl?if=en&id=280286]. Человек родового общества также то сворачивает свою деятельность, то зачинает её снова. Он буквально видит великого вездесущего дракона и следует его метаморфозам: в узорах его тела человек улавливает природные вибрации и ритмы, на себе ощущая гармонию «ветров и вод» (風水, *фэн-шуй*). Тем самым, он встраивается в циклическую структуру естественных процессов прорастания и увядания, жизни и смерти, и становится причастен ритмам родового космоса и вечности.

Более того, само мышление человека также зацикливается на природные ритмы. Дракон-уроборос или змея, кусающая свой хвост, оказывается сродни кругу Сансары, колесу обусловленного существования. Человек вынужден следовать циклам природы, и образ дракона становится для человека способом их осмысления, визуальным воплощением круговой архитектоники родового космоса. Интересно заметить, что земной год до сих пор предстаёт в сознании как замкнутый круг, имеющий, однако, своё начало и конец. Змея, кусающаяся свой хвост, или китайский дракон, свернувшийся в кольцо, – всё это проявления в сознании универсального архетипа циклического времени и вечности.

А.Е. Лукьянов замечает, что «замкнутость сознания на циклы природы определяют его мировоззренческую форму... она представляет собой круг, который в исторической динамике общества и всё большего выделения его из природы развёртывается в спираль» [Лукьянов, 1992, 32–33]. Эта форма находит своё зримое воплощение в образе змеи-уробороса, а затем взлетающего дракона. В этом смысле дракон предстаёт не как конкретная рептилия, выдумка или фантазия древнего человека, а как мыслительная матрица: родовый человек мыслит символами драконов, именно поэтому вся дальнейшая мифология оказывается ими испещрена.

В частности, в китайской мифологии дракон оказывается повсюду: он поднимается в небеса и погружается в пучины вод, прячется за горами, движением глаз контролирует смену дня и ночи, а своим дыханием – появление ветров и тайфунов; он проливается на землю дождём, закручивается вихрем торнадо, изгибается радугой, раздаётся громом и спускается с небес в виде молнии – однако в столь различных его формах и состояниях проглядывается единый архетип, «паттерн коллективной мысли человеческого разума» [Юнг, <https://gtmarket.ru/library/basis/4229/4231>]. Символ дракона оказывается способом постижения целостности природы в естестве её циклических изменений, рождающимся в резонансном соприкосновении с динамической силой перемен, пронизывающей всё мироздание. Собственно, символ дракона и становится наглядным проявлением этого потока перемен, воплощением естественности *цзы жань* (自然), цикла смерти и перерождения, жизни в бесконечном становлении и постоянном развитии.

Постепенно он сворачивается в космогонический миф – миф целостный, подвижный, переменяющийся, описывающий истоки мироздания и указывающий человеку его место в мире, задающий основные паттерны и модели поведения и в символической форме передающий коллективные представления о сакральном. И именно такой космогонический миф (а вместе с ним и мифологический символ дракона) будет иметь чрезвычайное значение для последующего становления всей китайской культуры. Как известно, в родовую древность будут обращены взгляды большинства китайских мыслителей, и к мифу будут восходить в своих истоках древние философские и религиозные учения. Однако при таком обращении к родовому мифу сам миф будет неизбежно модифицироваться, трансформироваться в народные верования, подвергаться историческому осмыслению и рационализации.

А. Е. Лукьянов пишет: «При разрушении родовой организации и переходе к государственному устройству миф, с одной стороны, как тип родового коллективного сознания отрицается, с другой стороны, он наследуется и модифицируется. Какую бы сферу самосознания древних китайцев мы ни взяли, везде встретимся с мифом в его рационалистической разработке... Однако внешне отрицая миф, рационалистическое мышление выводит на поверхность внутреннее, архетипическое содержание мифа и придаёт ему новые образы и наименования, хотя может сохранять и старые мифологические имена» [Лукьянов, 2012, 41].

В целом, под воздействием рационалистического мышления родовые ми-

фы, а наряду с ними и мифологические символы, изменялись и обретали новые характеристики, тем не менее сохраняли свои важнейшие архетипические смыслы и притягательную силу. Символ дракона, например, из целостного родового мифа, отражающего естественность природных перемен, постепенно трансформировался в Небесное знамение. Причём в зависимости от обстоятельств это знамение толковалось по-разному: как предвестник счастья или, напротив, беды. В Ханьскую эпоху народные представления о драконе как Небесном предзнаменовании стали использоваться и в политических целях – для легитимации власти императора и получения им народной поддержки.

Символ дракона как Небесное знамение и знак воли Неба

В империи Цинь (221–206 гг. до н. э.) и Хань (206 до н. э. – 220 н. э.) появлению знамений (в том числе, знамени дракона) стали придавать большее значение: посредством оных стали осмыслять исторические и политические процессы. Следует в связи с этим упомянуть древнекитайского мыслителя Цзоу Яня (336–280 гг. до н. э.), которому приписывают систематизацию и описание счастливых предзнаменований и недобрых предвестий, а также перенос религиозных верований на политические процессы. Цзоу Янь полагал, что каждой стихии у *син* (五行, пяти первоэлементов) соответствует один правящий дом, при этом смена стихии обуславливает смену одной династии на другую и сопровождается появлением целого ряда различных знамений. Таким образом, циклическое движение стихий у *син* объясняло у Цзоу Яня последовательность смены правящих домов.

Его идеи имели большое политическое значение и оказали значительное влияние на некоторых правителей, поскольку давали возможность легитимировать притязания на главенство в Поднебесной. В частности, его идеи воспринял Цинь Шихуан (259–210 гг. до н. э.), которому удалось объединить разрозненные царства и основать Циньскую империю. Опираясь на концепцию Цзоу Яня, Цинь Шихуан объявил, что династии Цинь должна покровительствовать стихия Воды, которая сумела побороть стихию Огня, присущую прежней династии Чжоу. А знамением господства новой стихии Воды и, соответственно, новой империи Цинь он назвал поимку Чёрного дракона Вэнь-гуном. Так, образ китайского дракона впервые становится легитимным предзнаменованием, указывающим на волю Неба.

В эпоху Хань идея о влиянии пяти стихий у *син* на политические процессы получила широкое распространение. Связано это было в том числе с деятельностью ханьского философа Дун Чжуншу (ок. 179–104 гг. до н. э.). Ему удалось систематизировать древние представления о взаимосвязи всех вещей в Поднебесной, а также выработать на основе различных религиозных верований единую систему ритуалов, что служило политическим целям обеспечения единства и стабильности династии.

Дун Чжуншу сформулировал теорию взаимного отклика Неба и Человека (*тянь жэнь гань ин*, 天人感应), по которой деятельность правителя должна была выстраиваться сообразно Небу и регламентироваться природными силами. Небо сигнализировало с помощью различных предзнаменований – счастливых и неблагоприятных – соответственно, о гармонии, царящей в Поднебесной, или об аномальности происходящего в ритуально-административной сфере. Правитель при этом рассматривался как посланник Неба на земле.

Дун Чжуншу упоминал в качестве знамения и Жёлтого дракона: именно его появление свидетельствует о покровительстве стихии Земли дому Хань. Интересно, что знамение Жёлтого дракона появляется и позже – при императоре Сюань-ди (91–49 гг. до н. э.). Время правления Сюань-ди характеризуется расцветом и возросшим благосостоянием страны, расширением территории, стабильностью политического курса, поддержкой на государственном уровне конфуцианства. Логично в такой ситуации появление многочисленных счастливых предзнаменований.

Знамение Жёлтого дракона не всегда указывало на благоприятное положение дел в стране. Иногда оно сознательно использовалось императорами для легитимации власти, пусть даже и не в самые лёгкие времена. В частности, дважды сообщалось о знамении Жёлтого дракона в правление императора Чэн-ди (51–7 гг. до н. э.), при котором династия Хань была раздираема внутренними противоречиями. Это, однако, не помогло стабилизировать ситуацию. Всё чаще стали высказы-

ваться мысли о том, что империя Хань утратила Небесный мандат (*тянь мин*, 天命) и её правители не могут более претендовать на власть.

В целом к концу династии Хань такое знамение, как появление дракона в окрестностях империи, стало трактоваться по-разному. Во-первых, оно могло выступать как благой знак при переходе от одной династии к другой, при этом часто упоминался цвет дракона (чёрный, жёлтый, белый, красный, лазурный) и покровительствующая ему стихия. Во-вторых, дракон мог быть зримым воплощением гармонии в Поднебесной, откликом Неба на старания императора. В-третьих, появление дракона могло быть истолковано как подтверждение легитимности династии или права на власть, особенно часто используемое в сложные времена перемен. Таким образом, символ дракона постепенно входил в политическую сферу и всё больше сближался с фигурой самого императора.

Император – воплощение дракона в Поднебесной

Дракон в Древнем Китае был неразрывно связан с культом плодородия: он был воплощением самой природы, постоянно циркулирующих перемен, смены дня и ночи, годовых циклов. Для гидравлической китайской цивилизации дракон стал самым настоящим божеством, ведающий разливами рек, дождями, грозами, молниями, торнадо и тайфунами. Многочисленны упоминания о различных ритуалах вызывания или прекращения дождя с помощью образа дракона, поклонении дракону с целью вымолить хорошую погоду или испросить богатый урожай.

С объединением различных царств в единую Циньскую, а затем Ханьскую империю начался процесс унификации религиозных культов, который требовал появления верховного бога. Поэтому со временем поклонение дракону и почитание императора превращалось в единый культ. Именно с Ханьской эпохи императоры стали позиционировать себя как воплощение дракона. Таким образом император получал народную поддержку: люди верили, что император не простой смертный человек, а существо, наделённое волшебными силами, – сын Неба и истинный дракон (*чжэнь лун тянь цзы*, 真龙天子). Неудивительно поэтому, что при описании императоров часто встречаются необычные детали их внешности, чудесного зачатия или рождения.

Подобные описания начали появляться в самом начале династии Хань. Следующим образом Сыма Цянь рассказывает о зачатии Лю Баня (256 или 247–195 гг. до н. э.) – основателя Ханьской империи: «Лю-ао (Liu Ao) как-то отдыхала на склоне у большого озера и увидела во сне, что повстречалась с духом. В это время загремел гром, засверкала молния и вокруг стемнело. Когда Тай-гун вышел взглянуть, где жена, то увидел над ней чешуйчатого дракона. Через некоторое время она понесла, а потом родила [будущего] Гао-цзу [Сыма Цянь, 2003, 157]. Сыма Цянь дополнительно сообщает, что сам Лю Бань был «человеком с большим носом и драконообразным лицом, с длинными усами и бородой, на левом бедре у него было семьдесят два родимых пятна» [Сыма Цянь, 2003, 157]. Эта история пересекается с историями о необычной внешности и чудесном рождении легендарных правителей древности. «Таким образом Сыма Цянь отдаёт дань господствующей традиции, демонстрирует божественность “Сына Неба”» [Wong, 2017, 7]. Сыма Цянь хотел показать, что возвышению Ханьского правителя покровительствовало само Небо: в случае с Лю Баном – выходцем из крестьянской семьи – миф о его божественном рождении давал ему право и основание на власть.

Поскольку миф о чудесном рождении Лю Бана оказался прекрасным способом легитимации его власти и получил широкое распространение и популярность в народе, то впоследствии многие правители стали обращаться к этому сюжету и создавали на его основе новые предания уже о собственном чудесном рождении. Так, например, Сыма Цянь повествует о наложнице Бо: после встречи с Гао Цзу ей приснился сон, в котором Синий дракон разместился у её тела. Результатом стало появление на свет мальчика Лю Хэна, который сначала стал правителем княжества Дай, а впоследствии Ханьским императором, известным под именем Сяовэнь-ди или кратко Вэнь-ди (202–157 гг. до н. э.) [Сыма Цянь, 1992, 165].

Необычным было и рождение императора У-ди (личное имя Лю Чэ, 156–87 гг. до н. э.). По сведениям «Хань У-ди нэй чжуань», перед тем, как У-ди появился на свет, его отцу приснилось, будто с облаков снизошёл красный дракон [Бамбуко-

вые страницы, 1994, 331]. Это было интерпретировано как счастливое предзнаменование, которое сулило рождение великого мужа.

Заключение

Начиная с Ханьской империи, образ дракона всё более закреплялся как символ императора, в частности, использовался при описании необычного зачатия, рождения или внешности правителя. Этот приём применялся, безусловно, для легитимации власти и получения народной поддержки для того, чтобы показать, что правители были не простыми смертными, а, скорее, полубожественными существами, которые отличались от людей чудесным происхождением, внешностью и силами, которыми их наделяло само Небо. Такие представления об императорах базировались, прежде всего, на мифологических представлениях о драконе как воплощении самой природы (тотемическом Великом Первопредке – символе истока мироздания и самого сознания человека), народных верованиях о драконе как Небесном знамени, религиозных культах поклонения дракону как божеству водной стихии.

Именно в имперский период (династии Цинь и Хань) происходит унификация различных образов дракона, закреплённых в древних трактатах, устанавливается определённая каноничность его изображения. Связано это было с политическими процессами, необходимостью установления единого религиозного культа, систематизацией различных местных верований и традиций. С конца Ханьской династии образ дракона начинает ассоциироваться с императором и впоследствии закрепляется в качестве основного имперского символа, при этом вера в дракона не только не исчезает, но и становится одним из важнейших элементов государственной политики и идеологии.

Библиографический список

1. Бамбуковые страницы. Антология древнекитайской литературы / Сост. и комм. И. С. Лисевича. – М.: Вост. лит. РАН, 1994. – 416 с.
2. Лосев, А.Ф. Миф, число, сущность / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1994. – 919 с.
3. Лукьянов, А.Е. Древнекитайская философия. Курс лекций. Часть I. Становление китайской философии. Лекция 1. Миф и мифология / А.Е. Лукьянов. – М.: ИДВ РАН, 2012. – 116 с.
4. Лукьянов, А.Е. Становление философии на Востоке (Древний Китай и Индия). Изд. 2-е, испр / А.Е. Лукьянов. – М.: ИНСАН, РМФК, 1992. – 208 с.
5. Ступникова, В.В. Основные концепции происхождения образа дракона. По материалам научных публикаций китайских исследователей / В.В. Ступникова // Человек и культура Востока: Исследования и переводы – 2014 / Сост. и отв. ред. В.Б. Виноградская. – М.: ИДВ РАН, 2015. – С. 195–210.
6. Сыма Цянь. Исторические записки: («Ши цзи»). Т. II / Сыма Цянь / Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. – М.: Вост. лит., 2003 (1975). – 567 с.
7. Сыма Цянь. Исторические записки: («Ши цзи»). Т. VI / Пер. с кит., вступит. ст. и комм. Р. В. Вяткина / Сыма Цянь. – М.: Вост. лит., 1992. – 484 с.
8. Юнг, К.Г. Архетип и символ [Электронный ресурс] / К.Г. Юнг. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4229/4231> (дата обращения 14.08.2020).
9. Wong, Y. Humanism in Traditional Chinese Historiography – With Special Reference to the Grand Historian Sima Qian / Y. Wong // Taiwan: Taiwan Journal of East Asian Studies. – 2014. – № 11(2). – P. 1–24.
10. Ван Чун. Лунь хэн (王充. 论衡) : Chinese Text Project: a dynamic digital library of premodern Chinese [Электронный ресурс]. – URL: <https://ctext.org/dictionary.pl?if=en&id=280286> (дата обращения 14.08.2020).
11. Ши Айдун. Императорская политика (политика Дракона) и имидж Китая в XVI–XX вв. / Ши Айдун – Пекин: Саньянь шудянь, 2014. – 296 с. (施爱东. 16–20世纪的龙政治与中国形象. 北京: 三联书店, 2014. 296页).

Текст поступил в редакцию 21.09.2022.

Принят к печати 28.11.2022.

Опубликован 30.03.2023.

References

1. *Bambukovye stranicy. Antologiya drevnekitajskoj literatury* [Bamboo pages. Anthology of ancient Chinese literature]. Moscow: Vost. lit. RAN, 1994, 416 p. (in Russian).
2. Jung K.G. Arhetip i simvol [Archetype and symbol]. Available at: <https://gtmarket.ru/library/basis/4229/4231> (accessed on August 14, 2020) (in Russian).
3. Losev A.F. *Mif, chislo, sushchnost'* [Myth, number, essence.]. Moscow: Mysl', 1994, 919 p. (in Russian).
4. Luk'yanov A.E. *Drevnekitajskaya filosofiya. Kurs lekcij. Chast' I. Stanovlenie kitajskoj filosofii. Lekciya 1. Mif i mifologiya* [Ancient Chinese philosophy. Lecture course. Part I. Formation of Chinese philosophy. Lecture 1. Myth and mythology]. Moscow: IDV RAN, 2012, 116 p. (in Russian).
5. Luk'yanov A.E. *Stanovlenie filosofii na Vostoke (Drevnij Kitaj i Indiya)* [Formation of philosophy in the East (Ancient China and India)]. Moscow: INSAN, RMFK Publ., 1992, 208 p. (in Russian).
6. Shi Aidong. *Imperial Policy (Policy of the Dragon) and the Image of China in the 16th–20th Centuries*. Beijing: Sanlian shudian, 2014, 296 p. (in Chinese).
7. Sima Qian. *Istoricheskie zapiski ("Shi ji")* [Records of the Grand Historian (Shi ji)]. Vol. 2. Moscow: Vost. lit., 2003 (1975), 567 p. (in Russian).
8. Sima Qian. *Istoricheskie zapiski ("Shi czi")* [Records of the Grand Historian (Shi ji)]. Vol. 6. Moscow: Vost. lit., 1992, 484 p. (in Russian).
9. Stupnikova V.V. *Osnovnye koncepcii proiskhozhdeniya obraza drakona. Po materialam nauchnyh publikacij kitajskih issledovatelej* [Basic concepts of the origin of the image of the dragon. Based on the materials of scientific publications of Chinese researchers]. Moscow, Chelovek i kul'tura Vostoka: Issledovaniya i perevody, IDV RAN, 2015, pp. 195–210 (in Russian).
10. Wang Chong. *Lun Heng*. Available at: <https://ctext.org/dictionary.pl?if=en&id=280286> (accessed on August 14, 2020) (in Chinese).
11. Wong Y. Humanism in Traditional Chinese Historiography – With Special Reference to the Grand Historian Sima Qian. *Taiwan Journal of East Asian Studies*, 2014, vol. 11, no. 2, pp. 1–24.

Submitted for publication: September 21, 2022.

Accepted for publication: November 28, 2022.

Published: March 30, 2023.